Алтае и в Туве; в бассейнах Енисея и Ангары; в бассейне Лены и в верховьях Нижней Тунгуски; на нижней Индигирке; в бассейне Колымы и Анадыря; в Забайкалье и в Приамурье; в Приморье, на Сахалине и Камчатке, что тоже требовало показа (в книге — 257 текстов). Обозначается былой сюжетный состав (в статье к тому говорится о 146 сюжетах сибирско-дальневосточного бытования), он предстает по выкладкам вторым после европейского Севера и, так или иначе, заслуживающим больше внимания при изучении истории русского эпоса. Разумеется, это может сопрягаться с определенной (в том числе и контрастивно-критической — см. [5]) оценкой предложенного в томе опыта обобщения собирательской работы и решения в нем специфических для Сибири и Дальнего Востока вопросов текстологического, селекционного, историко-эдиционного, теоретико-систематизаторского характера.

В серии впервые увидело свет якутское олонхо «Кыыс Дэбилийэ» [6], относящееся к типу сказаний о женщинах-богатырках. Текст записан от талантливого сказителя Н. П. Бурнашева, мастерски владевшего традиционным искусством якутских олонхосутов. По идейно-эстетическому содержанию, широте эпических тем это сказание многоплановое. Эпический образ женщины-богатырки из Среднего мира связан с широко распространенным в архаическом эпосе сюжетом о воинствующих девах, борющихся за то, чтобы «счастье человеческого рода не угасло», и защищающих свое племя, свой народ от нашествия *абаасы*, злых существ Нижнего мира. Все олонхо пронизано идеей необходимости мирной жизни без кровавых столкновений. Благодаря подвигам Кыыс Дэбилийэ искореняется зло, воцаряется спокойствие в трех эпических мирах, в частности на Земле, или Среднем мире, где живут люди солнечного племени *айыы аймага*.

Музыкально-поэтический строй эпоса основан на архаическом приеме чередования речетативного и песенного интонирования монологов с распевными ритмами. Уникальность музыкального стиля эпоса состоит в том, что каждый из персонажей получает свою, вполне определенную мелодическую характеристику.

Большой интерес для читателей представляют сказочные тома серии. Их обзор начнем с русских сказок Сибири и Дальнего Востока, изданных в двух самостоятельных книгах: сказок легендарных и бытовых [7], и сказок волшебных и о животных [8].

Своеобразные народные новеллы — бытовые сказки, к которым тяготеют сказки-легенды с сатирической направленностью, являются активно функционирующей разновидностью сказочного жанра. Их жизнестойкость во многом объясняется близостью к реальному быту народа. Занесенные в Сибирь в XVII—XX вв., они наряду с другими жанрами русского фольклора получили здесь благоприятную почву для широкого распространения, о чем свидетельствуют, например, сюжеты охотничьих анекдотов и небылиц со специфически сибирским мотивом тайги. В книге помещено 95 сказочных текстов, относящихся к разным группам сюжетов и не однотипных по структуре, а значит, и генезису.

Самой природой и бытом этого края было суждено продлить творческую жизнь русских волшебных сказок и обогатить общерусскую сказочную традицию особенно в исполнительском искусстве. В сибирско-дальневосточном репертуаре отмечено около 240 различных сочетаний волшебных сюжетов. В издание вошло 25 текстов, содержащих 47 сюжетных тем. Раздел сказок о животных охватывает 39 текстов.

Русская сказочная традиция Сибири и Дальнего Востока дана не только в культурно-историческом контексте, но и в живом бытовании, с описанием творческих портретов сказочников. При всем локальном своеобразии русские сказки этих регионов предстают в томах как неотъемлемая часть общерусской (восточнославянской) народной культуры, о чем ярко свидетельствует богатый, выразительный язык сказок.

В том бурятских сказок — *онтохонууд* [9] вошли волшебные повествования, наиболее известные в регионах проживания бурят: 25 образцов собственно бурятских сюжетов, а также сказки, представляющие собой народные устно-поэтические версии таких древнеиндийских и древнемонгольских письменных памятников, как «Панчатантра», «Волшебный мертвец», «Море притч» и др. Наряду с чертами, присущими сказкам других народов, бурятские сказки, в частности волшебные, имеют свои особенности. Так, из традиционных формул — инициальных, медиальных и финальных — в них представлены только первые две, отмеченные большим разнообразием.

О живучести сказочных традиций в различных местах расселения бурят, в том числе и в бурятских поселениях Монголии, говорят тексты, записанные в последние десятилетия и опубликованные в томе.

Тувинские народные сказки *тоол* [10] представлены 28 текстами, демонстрирующими самые характерные образцы сказочных тради-